

Наталья КУЗЬКИНА

От Тоффеля к Воланду

БУГАКОВ ЧИТАЕТ КУПРИНА

(Продолжение. Начало в номере от 2 февраля)

Герой рассказа Иван Степанович Цвет, канцелярский служащий в Сиротском суде с жалованьем 37 рублей и 24 1/2 копейки в месяц. Жил скромный канцелярист в небольшом губернском городе России, которому Куприн отдал названия, взятые из Киева: дуэль в рассказе происходит «за Караваевскими дачами, в рощице, на лужайке»; трамвай бежит сверху «по Александровской улице, выбрасывая из-под колес трескучие снопы фиолетовых и зеленых искр». Детали вполне точные: по крутой Александровской, от здания Купеческого клуба вниз, на Подол, в самом деле ходил тогда первый в России трамвай, и Караваевы дачи (по имени профессора Караваева, имевшего тут участки) существуют и поныне как район Киева — равно как и Житний базар, о котором тоже пишет Куприн.

Что же происходит в этом обобщенном городе, так похожем на дореволюционный Киев? Молодому человеку, ничем не замечательному, «кроме разве своей скромности, доброты и полнейшей неизвестности миру», живущему «канаречной» жизнью в мансарде над пятым этажом, ранним утром 26 апреля, в воскресенье, явился Мефистофель.

Субботний вечер Иван Степанович провел в холостяцкой компании, в пивной «Белые лебеди». Затеялся разговор о богатстве, о сказочном выигрыше в 200 тысяч. Умный, желчный регент Светловидов остановил захмелевших: «Ни у кого из вас нет человеческого воображения, милые гориллы. Жизнь можно сделать прекрасной при самых маленьких условиях. Надо иметь только вон там, наверху, над собой, маленькую точку. Самую маленькую, но возвышенную. И к ней идти с теплой верой. А у вас идеалы свиней, павианов, людоедов и беглых каторжников(...). Что каждый из вас продал бы свою душу с величайшим удовольствием, это несомненно. Но ничего бы вы не придумали оригинального, или грандиозного, или веселого, или смелого. Ничего, кроме бабы, жранныя, питья и мягкой перины».

Цвет, единственный, смущаясь, захотел тогда, чтобы «был большой сад... и в нем много прекрасных цветов (...). И чтобы мы с вами все там жили... в простоте, дружбе и веселости. Никто бы не ссорился... Детей чтобы был полон весь сад... и чтобы все мы очень хорошо пели. И труд был бы наслаждением... И там ручейки разные... рыба пускай по звонку приплывает...».

Чуть перебрав свою скромную норму, Иван Степанович поздно пришел домой. Утром его разбудил голос странного гостя: «В пыльном, золотом солнечном столбе, лившемся ко-со из окна, стоял, согнувшись в полупоклоне и держа цилиндр на отлете, неизвестный господин в черном поношенном, старинного покроя, сюртуке. На руках у него были черные перчатки, на груди — огненно-красный галстук, под мышкой древний помятый, порыжевший портфель, а в ногах на полу лежал новый ручной саквояж желтой английской кожи».

Странно знакомым показалось Цвету с первого взгляда узкое длинное лицо посетителя: «этот ровный пробор посредине черной, сидящей на висках головы, с полукруглыми расчесами вверх, в виде приподнятых концов бабочкиных крыльев или маленьких рожок, этот большой, тонкий, слегка крючковатый нос с нервными козлиными ноздрями, бледные насмешливо изогнутые губы под наглыми воинственными усами, острая французская борода. Но более всего напоминали какой-то давний, полузабытый образ — брови незнакомца, поднимавшиеся от переносья круто вкось прямыми, темными, мрачными чертами. Глаза же у него были почти бесцветны, или, скорее, слабой степени напоминали выцветшую на солнце бирюзу, что очень резко, холодно и неприятно противоречило всему энергичному, умному, смуглому лицу».

У любезного незнакомца был слегка скрипучий голос; он вытащил из жилетного кармана древние часы и посмотрел на них: «Теперь три минуты одиннадцатого. И если бы не крайне важное и неотложное дело...».

В смятении Иван Степанович так и не может припомнить, отчего ему знакомы и внешность неожиданного посетителя, и его фамилия — Мефодий Исаевич Тоффель. Между тем для читателя Куприн детально срисовывает черты с традиционного облика Мефистофеля на «дошаляпинской» сцене: острая французская борода, наглые воинственные усы, крутой подъем бровей. Так смотрелось и лицо М. Баттистини, певшего Мефистофеля в «Осуждении Фауста» Г. Берлиоза; открытки с изображением Баттистини в ролях стояли в витринах всех больших городов России.

Для Цвета началась фантастическая жизнь, в которой он сначала пытался что-то связать воедино, а потом вынужден был принять предложенные ему условия существования как данность. Тоффель поздравил бедняка с получением наследства в виде имения Червоное в Черниговской губернии и немедленно отправил туда с пожеланием сжечь книги «по оккультизму, теософии и черной магии», которые там есть. Ночью в усадьбе дяди — чернокнижника, занимаясь расшифровкой непонятной ему, но, судя по всему, крайне важной формулы. Цвет случайно находит ее ключевое слово: «Афро-Аместигон», после чего почти каждое его желание, даже не высказанное, исполняется мгновенно. Плата за это — потеря памяти о прошлом.

В городе, при содействии Тоффеля, который служит ему во всем, Цвет начинает новую жизнь богатого человека. Всевластие искушает и тяготит его, хотя он старается не употреблять во зло ни деньги, ни свою опасную способность видеть другого насквозь, как бы перевоплощаться. Тоффель все время ждет, чтобы Цвет вспомнил заветное слово, но тот не может.

Колдовское слово ослепительно и мгновенно всплывает в памяти, когда Цвет видит, как женщина, сшибленная трамваем, падает между рельсов. Теряя сознание, он закричал диким голосом: «Афро-Аместигон!».

Это слово освобождает Тоффеля от зависимости. Он удивлен простотой и бескорыстием Цвета, которые спасли и его, и человечество от многих ужасных начинаний. «Злодей на вашем месте залил бы весь земной шар кровью и осветил бы его заревом пожаров. Умный стремился бы сделать его земным раем, но сам погиб бы жестокой и мучительной смертью. Вы избежали того и другого, и я скажу вам по правде, что вы и без кабалистического слова — носитель несомненной, сверхъестественной удачи».

Когда успокоенный Иван Степанович, «патрон и клиент» Тоффеля, с кротким любопытством спросил его: «Вы — Мефистофель?», тот с мягкой улыбкой отказался от такой чести: «Вас смущает Меф. Ис... — начальные слоги моего имени, отчества и фамилии?.. Нет, мой друг, куда мне до такой знатной особы. Мы — существа маленькие, служилые... так себе... серая команда...».

В последнем разговоре героев Тоффель меняется: перед Иваном Степановичем «сидел чистенький, благодушный, весь серебряный старичок, с приятными, добрыми глазами мягко-табачного цвета».

Прощаясь с Цветом, который вернул ему свободу, Тоффель снова спрашивает — нет ли у него на самом дне душевного сундука сожаления о потере того великолепия, которое его окружало? Не хочет ли он, возвращаясь в свою прежнюю жизнь, унести с собой что-либо веселое, яркое? Добрый и чистый Иван Степанович обеспокоен, однако, только одним: не повлечет ли прощальное заклинание, которое он должен произнести, за собой какого-либо горя: «Не превратит ли оно меня в какое-либо животное или, может быть, вдруг опять лишит меня дара памяти или слова? Я не боюсь, но хочу знать наперед».

— Нет, — твердо ответил Тоффель. — Клянусь печатью. Ни вреда, ни боли, ни разочарования».

Так, с глубоким уважением и обоюдным чувством достоинства расстаются навсегда скромный канцелярист и мелкая дьявольская сошка, навсегда шпанный «потертый внешний облик и этот глупый боевой псевдоним».

(Окончание следует)